

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Romance

НОРА РОБЕРТС

Одно лето

Завораживает. Поражает.
Бодрит и вдохновляет.
The New York Times

HARLEQUIN

Впервые на русском

Нора Робертс

Одно лето

«Центрполиграф»

1986

Робертс Н.

Одно лето / Н. Робертс — «Центрполиграф», 1986

Превосходный фотограф, автор репортажей из горячих точек мира, признанный, успешный и богатый, Шейд Колби давно уже сам определял сумму своих гонораров и по-прежнему работал в одиночку. Когда престижный журнал предложил ему сделать фоторепортаж о современной Америке, он готов был согласиться, но его смущало, что на этот раз работать придется в паре с другим фотомастером. Брайан Митчелл специализировалась на снимках богатых и знаменитых, ее интересовала красивая сторона жизни, а Шейда – реальная жизнь. Ничего хорошего от встречи с гламурным фотографом Колби не ждал. Брайан оказалась настоящей красоткой и весьма решительной молодой особой. Колби решил взяться за это задание и за три месяца совместного путешествия выяснить, как он относится к этой женщине...

© Робертс Н., 1986

© Центрполиграф, 1986

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нора Робертс

Одно лето

One Summer

© 1986 by Nora Roberts «Одно лето»

© Перевод и издание на русс ком языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

©Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

В комнате было темно, хоть глаз выколи. Но Шейд к темноте привык. Порой он предпочитал ее свету. Ведь для того чтобы видеть, не обязательно иметь глаза. У Шейда были очень ловкие, умелые пальцы и развитое внутреннее зрение, острое, как лезвие ножа.

Бывало, когда Шейд не работал, он просто сидел в темной комнате и изучал образы, которые создавало его воображение, их форму, текстуру, цвет. Если закрывал глаза и отпускал свои мысли, эти образы становились четче. Темноту и полумрак, часть своей жизни, Шейд считал так же, как и свет, а жизнь с ее образами считал своей профессией.

Эта жизнь не всегда виделась ему так, как остальным. Иногда жесткая и холодная, она порой становилась гораздо мягче и нежнее, чем представлял себе занятой мир. Обыватель этого не замечал или не хотел замечать. Шейд наблюдал за этим, группировал отдельные фрагменты, манипулировал временем и формой, впоследствии оценивая их по-своему. Всегда только по-своему.

Теперь же, в темной комнате под тихую джазовую мелодию, доносившуюся откуда-то из угла, он работал руками и воображением. Осторожность и координация требовались ему постоянно. Медленно и аккуратно он вскрыл оболочку и перемотал на бобину непроявленную пленку. Закрыв проявочный контейнер светонепроницаемой крышкой, установил таймер свободной рукой, потом дернул за цепочку, и комнату залил янтарный свет.

Проявлять негативы и печатать снимки он любил так же сильно, как и фотографировать, порой даже сильнее. Работа в темной комнате требовала точности и аккуратности. Собственно, в жизни Шейд тоже не мог обойтись без этих качеств. Печать снимков он относил к творческим экспериментам, как, впрочем, и жизнь в целом. То, что видел и чувствовал Шейд, обывателю можно было объяснить с помощью языка фотографии или, по крайней мере, представить в виде головоломки. А превыше всего было то удовлетворение, которое приносил Шейду процесс единоличного создания снимков. Он всегда работал в одиночку.

В данный момент Шейд занимался проявкой. Шаг за шагом. Температура, фотохимикаты, смеси, время... Он налил закрепитель в кювету. Янтарный свет отбрасывал блики на его лицо. Если бы Шейд захотел создать образ фотографа за работой, лучшей модели, чем сам, не придумал бы.

Волосы у него были темными. Закрывали лоб до самых бровей и уши, а сзади спадали на горловину футболки. Приличия не одобряли такой длинной прически, но ему было на это плевать, он никогда не обращал внимания на стиль, всегда был отстраненным, почти холодным и резким. В карих глазах читалось напряжение. На бронзовом от загара лице, худом и суровом, выделялись четко очерченные скулы и подбородок. Рот от усилий вытянулся в тонкую линию. От глаз к вискам пролегли морщины, отпечатки эмоций. Их в его жизни, по мнению некоторых людей, было слишком много.

У Шейда в результате профессиональной травмы был сломан нос. Травму нанес камбоджийский солдат, но выразительный снимок города, пришедшего в упадок и заваленного отходами, все-таки появился. В связи с этим Шейд до сих пор считал состоявшийся «обмен» справедливым. Не все любят фотографов.

В янтарном свете его движения выглядели резкими. Спортивное гибкое тело – результат многолетней работы «в полях» (чаще всего на вражеской территории), когда приходилось много ходить пешком и часто пропускать обеды.

Последнее задание от «Международного обозрения» Шейд получил много лет назад, однако по-прежнему оставался поджарым и угловатым. Теперь работа изматывала не так сильно, как раньше, в самом начале, в Ливане, Лаосе и Центральной Америке, однако в целом мало что изменилось. Шейд по-прежнему много времени проводил с камерой, порой подолгу

ждал нужного момента, а иногда тратил всего несколько минут, чтобы отснять всю пленку. Стил и манеру его работы можно было бы назвать агрессивными, но именно благодаря этому Шейд смог пройти через все войны, что он освещал.

Награды, которых он удостоился, гонорары, которые теперь мог назначать сам, до сих пор не стали важнее фотографий. Даже если бы его работы перестали узнавать, даже если бы за них перестали платить, Шейд все равно сидел бы в темной комнате и проявлял пленки. Уважаемый, успешный, богатый, он не нанимал помощников и продолжал работать в той же, что и десять лет назад, темной комнате.

Шейд повесил негативы сушиться, уже зная, на какие следует обратить внимание, правда пока не изучая их, отпер дверь темной комнаты и вышел. Завтра он выберет лучший на свежую голову. Такая роскошь была доступна ему не всегда. Но сейчас Шейд хотел пива. К тому же нужно было кое-что обдумать.

Он прошел на кухню и взял холодную бутылку. Открыв, бросил крышку в мусорное ведро. В чистой комнате из-за резкого черно-белого интерьера было не очень весело, хотя и не скучно.

Откинувшись назад, Шейд приложился к бутылке и высосал половину. Закурил, отнес пиво на кухонный стол и, развалившись на стуле, положил ноги на потертую деревянную поверхность стола.

Из кухни открывался вид на не самый шикарный район Лос-Анджелеса. Своеобразная изнанка города, грубая, жесткая, порочная, даже вечерние огни не добавляли ей очарования. Шейд мог бы переехать в более фешенебельный квартал или на холмы, откуда светившийся в темноте мегаполис казался сказочным. Но он предпочитал маленькую квартирку, окна которой выходили на неухоженные улицы города, славившегося блеском. Блеск раздражал Шейда.

А вот Брайан Митчелл специализировалась на этом блеске.

Шейд не мог не признать: ее фотографии богатых, знаменитых и красивых были хороши, в своем роде даже великолепны. В них читались участие, ирония и мягкая чувственность. Нельзя отрицать, что Брайан имеет право работать с камерой. Шейду просто не нравился подход этой женщины. Она снимала культуру, тогда как он обращался напрямую к жизни.

Работы Брайан для журнала «Селебрити» были профессиональными, искусными и осмысленными. Она снимала очень важных людей так, будто они уменьшались в размере, становясь человечными, доступными. Когда Брайан ушла из штата в свободное плавание, звезды, будущие знаменитости и их создатели, которых она снимала для глянца, сами к ней потянулись. С годами она приобрела известность и выработала свой стиль, благодаря чему попала в число последних, тот узкий круг избранных.

Подобное случалось с фотографами, Шейд это знал. Порой они сами превращались в тех, кого снимали, изучали, и то, что они старались отразить в своих снимках, становилось частью их самих. Очень важной частью. Он не завидовал положению Брайан Митчелл, просто не был уверен в том, что с ней стоит работать.

Он вообще не любил с кем-либо работать.

Но таковы условия. Когда «Стил жизни» предложил сделать фоторепортаж о современной Америке, Шейд удивился. Подобные фотоистории создавали яркое и стойкое впечатление о стране, могли шокировать или, наоборот, успокоить и развлечь. Как фотограф он уже пытался сделать нечто подобное. «Стил жизни» хотел получить мощные вызывающие снимки, а с ними – противоречивые эмоции. Правда, редакция хотела равновесия и собиралась дополнить подборку кадрами, отражающими женский взгляд.

Такой подход имел смысл, поскольку открывал множество новых возможностей, упрямство не мешало Шейду признать это. Но сама мысль не давала покоя. В связи с заданием ему, вопреки собственному желанию, придется разделить лето, свой фургон и репутацию с модным фотографом. К тому же этот фотограф – женщина. Перспектива трехмесячной поездки с ней,

тратящей все свое время, оттачивая умение снимать рок-звезд и других известных людей, для мужчины, наработывавшего технику в раздираемом войной Ливане, представлялась не очень заманчивой.

Тем не менее ему хотелось поехать. Жалко упускать возможность запечатлеть американское лето от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка во всех его проявлениях, со всеми радостями, пафосом, удачами и поражениями. Он мечтал показать суть Америки, обнажить ее душу.

А для этого нужно всего лишь сказать «да» и разделить лето с Брайан Митчелл.

– Забудь про камеру, Мария, танцуй! – Митчелл поймала сорокалетнюю звезду балета в объектив. Ей нравилось то, что она видела. Возраст? Да, немного заметен, но года ничего не значат. Лишь твердость характера, стиль, элегантность. И выносливость. Она важнее всего остального. Брайан знала, как поймать все это и воплотить воедино.

За феноменальную двадцатипятилетнюю карьеру Мария Натравидова неоднократно попадала в объектив. Но никогда во время фотосессии пот не стекал по рукам балерины и не пропитывал ее трико. Никогда она не была так измучена. Митчелл не хотела снимать иллюзии, окутывающие танцоров, она добивалась усталости и болей, той цены, которую платят за триумф.

Брайан поймала Марию в прыжке, когда ноги балерины были параллельны полу, а руки вытянулись в одну идеально ровную линию. На лице и плечах Марии виднелись капли пота, напряженные мышцы вздулись. Брайан спустила затвор, слегка дернув камеру, чтобы добавить кадру динамики.

Вот он, тот самый снимок, Митчелл поняла это, как только отсняла пленку.

– Ты заставила меня поработать, – пожаловалась балерина, опустилась на стул и промокнула полотенцем влажное от пота лицо.

Сделав еще два снимка, она опустила камеру.

– Я могла бы поставить сзади прожектор, заставить тебя надеть костюм и сделать арабеск. Ты получилась бы красивой, изящной. Вместо этого я покажу всем, насколько ты сильная женщина.

– И умная. – Мария со вздохом уронила полотенце. – Почему за фотографиями для своей книги я пришла именно к тебе?

– Я лучшая. – Брайан пересекла студию и скрылась в дальней комнате.

Мария тщательно растирала сведенную судорогой ногу.

– Я понимаю тебя, восхищаюсь тобой, – Брайан вернулась с двумя стаканами и графином на подносе, – а еще выжимаю для тебя сок из апельсинов.

– Ты моя хорошая. – Мария засмеялась, взяв стакан, на мгновение приложила его к высокому лбу, затем с жадностью выпила. Ее темные волосы были туго стянуты на затылке. Такое могли себе позволить только люди с безупречной кожей и идеально вылепленным лицом. Вытянув длинное тонкое тело на стуле, Мария внимательно посмотрела на Брайан поверх стакана.

Они познакомились давно, когда Брайан только пришла в «Селебрити» и в качестве первого задания сделала фоторепортаж закулисья. Мария уже тогда была звездой, но Брайан не пришла в благоговейный трепет. Балерина до сих пор помнила ее густую косу пшеничного цвета и вечные комбинезоны. Перед primой тогда предстала высокая молодая женщина с глазами цвета олова. На лице выделялись косые скулы и пухлые губы, в ушах покачивались длинные сережки. Спортивное тело едва угадывалось под мешковатой одеждой, которую дополняли старые кроссовки.

Мария посмотрела на грязные «найки» на ногах Брайан. Да, кое-что совсем не изменилось. Взглянув на эту высокую загорелую блондинку, можно было подумать, что она из Калифорнии. Но внешность обманчива. Брайан Митчелл отличалась от обычных людей.

Пока пила, она поймала взгляд балерины.

– И что же ты видишь, Мария? – Брайан очень хотела это узнать, поскольку представления и предубеждения – часть ее работы.

– Сильную, умную, талантливую и амбициозную женщину. – Мария улыбнулась и откинулась на спинку стула. – Можно сказать, себя.

Брайан улыбнулась в ответ:

– Это действительно комплимент.

Балерина широким жестом выразила согласие:

– Женщины мне редко нравятся. Я люблю себя и вот тебя. Я, моя дорогая, слышала кое-что о тебе и том милом молодом актере.

– Мэтт Перкинс. – Брайан не любила увеливаний и умалчиваний. Она сама выбрала жизнь в городе, который полон слухов и подпитывался за счет сплетен. – Я его снимала. Потом мы ужинали пару раз.

– Ничего серьезного?

– Как ты и сказала, он милый. – Брайан улыбнулась и разгрызла кусочек льда. – Но это Мэтта занимает в его «мерседесе» слишком много места.

– Ох уж эти мужчины. – Мария наклонилась вперед и налила себе еще стакан сока.

– Сейчас начнешь философствовать.

– А что, если нет? – воскликнула Мария. – Мужчины... – Она снова произнесла это слово, смакуя его. – Они невыносимы, ребячливы, глупы и... жизненно необходимы. Ощущать себя любимой в сексуальном плане, ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

Брайан едва сдержала улыбку:

– Понимаю.

– Любовь бодрит и утомляет одновременно. Как Рождество. Я иногда чувствую себя ребенком, который не понимает, почему оно должно закончиться. Но праздник проходит. И ты ждешь следующего раза.

Что люди думают о любви, как живут с ней, как ищут ее и как избегают – все это давно интересовало Брайан.

– Поэтому ты не выходила замуж, Мария?

– Я замужем за балетом. Если бы захотела выйти замуж за мужчину, пришлось бы сначала развестись с профессией. Такой женщины, как я, на двоих не хватит. А как у тебя с этим обстоит?

Молодая женщина смотрела в стакан. Веселье покинуло ее. Она слишком хорошо понимала балерину.

– На двоих не хватит, – пробормотала Брайан. – Я уже не жду следующего раза.

– Ты молода. Неужели готова отказаться от того, чтобы каждый день был похож на Рождество?

Брайан пожала плечами:

– Я для этого слишком ленива.

– Это только фантазии. – Мария встала и потянулась. – Мы сегодня долго работали. Теперь мне нужно в душ и переодеться. Я ужинаю со своим хореографом.

Митчелл осталась одна и в задумчивости провела пальцем по задней крышке фотоаппарата. О любви и браке она думала нечасто, уже прошла через все это. Фантазии реализовались и сразу поблекли, как фотография, которую при печати недостаточно долго держали в закрепителе. Постоянные отношения редко складывались, а если и складывались, далеко не всегда хорошо.

Брайан вспомнила о Ли Редклиф, которая год назад вышла замуж за Хантера Брауна. Сейчас она вынашивала ребенка, помогала Хантеру воспитывать его дочь и была счастлива. Правда, она нашла необычного мужчину. Он сам хотел, чтобы она была с ним, даже помог ей раскрыться. А личный опыт Брайан подсказывал, что у мужчин слова часто расходятся с делом.

«Твоя карьера важна для меня так же, как и для тебя самой. – Сколько раз Роб говорил это до их свадьбы? – Давай, получай образование».

Они поженились, юные идеалисты, полные энтузиазма. А уже через шесть месяцев Робу казалось, что Брайан слишком много времени тратит на учебу и на работу в местной фотостудии. Ему хотелось горячих ужинов и чистых носков. Брайан считала, что это не так уж и много. Справедливости ради ей бы следовало признать, что Роб у нее обычно ничего не просил, вываливая время от времени все пожелания сразу.

Конечно, молодые супруги заботились друг о друге и старались идти на уступки. Потом оба поняли, что мечтают о разном, и их представления о будущем не совпадают. Ничего не поделаешь.

Их развод можно было назвать мирным, никакой ярости, горечи. И никакой страсти. Подпись на официальной бумаге, и все, мечта разбилась. Брайан еще никогда не бывало так больно. Она еще долго пыталась избавиться от горького привкуса поражения.

Роб снова женился, Брайан об этом знала, он жил теперь на окраине с женой и двумя детьми, наконец получив, чего хотел.

«Я тоже получила», – окинув взглядом студию, сказала себе Брайан. Она не хотела становиться фотографом. Она всегда была фотографом. Часы, проведенные в студии и за ее пределами, потраченные на работу в темной комнате, были так же важны, как время на сон. Все, что она имела теперь, спустя шесть лет после развода, Брайан добилась сама. И этим не нужно ни с кем делиться. Как не нужно делиться своим временем. Возможно, она действительно похожа на Марию. Она ведь женщина, самостоятельно управляющая своей жизнью, принимающая решения. И в личной жизни, и в карьере. Видимо, некоторые люди не созданы для сотрудничества.

Шейд Колби. Она положила ноги на стул, на котором сидела Мария. Стоило признать, работы Колби достойны восхищения. Они настолько ей нравились, что она даже потратила неприличную сумму на сделанный им снимок лос-анджелесской улицы, хотя была очень ограничена в средствах. Потом изучала фотографию, пытаясь уловить и понять приемы съемки и печати. Изображение было атмосферным, серым, сумрачным. Но Брайан почувствовала в нем не безнадежность, а стойкость и выдержку. Правда, восхищаться фотографиями Колби и работать с ним – это не одно и то же.

Они жили в одном городе, но вращались в разных кругах. Точнее, Шейд Колби почти нигде не вращался, будучи сам по себе. Она встречала его на нескольких приемах, но они так и не познакомились.

Она помнила, что он очень интересный субъект. Немного усилий – и Брайан смогла бы передать в фотографии ту атмосферу отрешенности и приземленности, которая окружала его. Возможно, если оба согласятся на задание, такая возможность представится.

Трехмесячное путешествие. Брайан еще многого не видела в Штатах, и ей предстояло сделать немало снимков. Задумавшись, она вытащила из заднего кармана шоколадный батончик. Ей нравилась идея сделать фоторепортаж об Америке. Сезон как срез жизни. А если разбавить это работами Шейда, сколько всего удастся рассказать!

Она любила снимать портреты. Берешь известное лицо, состоявшуюся личность, особенно здорово, если человек всем хорошо известен, и ищешь то, что скрывается за фасадом. Невероятно интересно! Кому-то такая работа может показаться однообразной, но Брайан так не считала. Она могла запечатлеть уязвимость железной рок-леди и комичность величественной мегазвезды. Показать что-то неожиданное, новое. В этом она видела задачу фотографии.

Теперь можно проделать то же самое с целой страной. «Люди, – подумала Брайан, – невероятно много людей».

Она хотела этого. Даже необходимость делиться профессионализмом, весельем и открытиями с Шейдом Колби не смущала ее. Брайан откусила от шоколадного батончика. У него

репутация эксцентрика, склонного к уединению. И что с того? Три месяца можно потерпеть кого угодно.

– От шоколада все становятся толстыми и уродливыми.

Брайан посмотрела вверх, это в зал вернулась Мария. От пота не осталось и следа. Теперь она выглядела так, как в представлении людей должна выглядеть прима-балерина – затянутая в шелк, усыпанная бриллиантами, спокойная, собранная. И прекрасная.

– Он поднимает мне настроение, – возразила Брайан. – Ты потрясающе выглядишь, Мария.

– Да. – Балерина провела рукой по шелку, ниспадавшему на бедро. – У меня работа такая. Ты еще не закончила?

– Хочу проявить пленку. Завтра же отправлю тебе несколько пробных отпечатков.

– А это твой ужин, надо думать.

– Только закуска, – Брайан набила рот шоколадом. – Я заказала пиццу.

– С пепперони?

Брайан улыбнулась:

– Со всем.

Мария прижала руку к животу:

– А я ужинаю с хореографом, он настоящий тиран, а значит, я почти ничего не съем.

– Зато у меня будет газировка вместо шампанского. Всем приходится чем-то жертвовать.

– Если мне понравятся снимки, я пришлю тебе целый ящик.

– Шампанского?

– Газировки. – Мария засмеялась и ушла.

Спустя час Брайан развесила негативы для просушки. Нужно, конечно, напечатать пробные экземпляры, но и так понятно, что из сорока кадров, скорее всего, удались не больше пяти.

Когда в животе заурчало, она посмотрела на часы. Пицца заказана на семь тридцать. «Вовремя закончила», – подумала Брайан и вышла из темной комнаты. Нужно поесть, затем выбрать снимок для глянцевого журнала из фотосессии Мэтта. К тому времени, когда Брайан найдет подходящий кадр и закончит работать с ним, высохнут негативы Марии. Она принялась искать на столе нужную папку среди двух дюжин других (вот такая система хранения). В дверь студии кто-то постучал.

– Пицца! – с жадностью воскликнула Брайан. – Иди ко мне, я умираю с голода. – Бросив на стол огромную тканевую сумку, она стала искать кошелек. – Очень вовремя. Еще пять минут – и меня бы не было. Не стоило пропускать обед. – На стол легли толстый потрепанный блокнот, битком набитая прозрачная пластиковая косметичка, кольцо с ключами и пять шоколадных батончиков. – Поставьте там где-нибудь, я сейчас найду деньги. – Брайан еще глубже зарылась в сумку. – Сколько надо?

– Как можно больше.

– Ну, этого всем хочется. – Брайан вытащила старый мужской бумажник. – Сейчас я уже дошла до отчаяния и готова выгрести все без остатка из сейфа, но... – Она отпрянула назад, когда подняла глаза и увидела перед собой Шейда Колби.

Он бросил быстрый взгляд на ее лицо, потом уставился Брайан в глаза.

– За что ты собираешься мне заплатить?

– За пиццу. – Она бросила кошелек на стол к остальному содержимому сумки. – Я ужасно голодна, вот и ошиблась. Шейд Колби. – Брайан с любопытством протянула ему руку, испытывая, к своему удивлению, волнение. – Я тебя узнала, но не думаю, что мы знакомы.

– Не знакомы. – Он сжал ее руку и на мгновение задержал, изучая лицо Брайан Митчелл. Она оказалась сильнее, чем Шейд ожидал. Он всегда искал сначала силу, а потом слабость. И молодость. Хотя Колби знал, что Брайан всего двадцать восемь, он представлял ее иначе. Более жесткой, агрессивной, гламурной. А она выглядела так, будто только что вернулась с пляжа.

В обтягивающей футболке стройная Брайан могла себе это позволить. Коса спускалась почти до пояса, и Шейд сразу же попытался представить себе ее волосы распущенными. Его заинтересовали глаза женщины, миндалевидные, серые, почти серебряные. Ему бы хотелось сфотографировать их так, чтобы лицо хозяйки при этом оставалось в тени. Казалось, она совсем не пользовалась косметикой, хотя и таскала с собой огромное ее количество.

«Значит, не переживает по поводу внешности», – решил Шейд. Это сильно все упростит, если они решат работать вместе. Он ненавидел ждать женщин, которые, суется, красились и причесывались. Эта так делать не станет. Пока Шейд оценивал Брайан, она оценивала его. Он не возражал. Фотографы, как и художники, всегда ищут интересный ракурс.

– Не отрываю от работы?

– Нет, я как раз сделала перерыв. Садись.

Они очень осторожничали. Колби пришел, поддавшись порыву, Брайан не понимала, как себя с ним вести. Поэтому оба решили затаиться на время и просто соблюдать приличия. «Шейд на моей территории, пусть делает первый ход», – решила Брайан.

Гость сел не сразу. Засунув руки в карманы, осматривался. Большая студия хорошо освещалась благодаря ленте окон. В одном углу был натянут голубой фон, его окружали небольшие прожекторы, все это осталось от недавней фотосессии. В другом углу виднелись зонтики, отражатели и камера на треноге. С первого взгляда Шейд понял: оборудование у нее первоклассное. Но этого недостаточно, чтобы стать первоклассным фотографом.

Брайан понравилась манера поведения гостя, в нем не чувствовалось расхлябанности, лишь легкое напряжение и некоторая отрешенность. Если бы была возможность, Брайан сняла бы его вот так – в одиночестве, в полумраке. Но она предпочитала знакомиться с людьми перед тем, как делать их портреты.

Интересно, сколько ему лет? Где-то тридцать три – тридцать пять. Его номинировали на Пулитцеровскую премию, когда Брайан Митчелл еще училась в колледже. Но это ее не пугало.

– Приятное местечко. – Шейд оценил увиденное и плюхнулся на стул через стол от Брайан.

– Спасибо. – Она подвинулась, изучая Колби с другого ракурса. – Ты сам не снимаешь в студии?

– Предпочитаю работу «в поле». – Он достал сигарету. – Студия мне нужна редко. Ее можно арендовать или попроситься к кому-нибудь. Обычно с этим проблем не возникает.

Машинально Брайан стала искать пепельницу в завалах на столе.

– Печатаешь снимки сам?

– Да.

Она кивнула. За время работы на «Селебрити» ей иногда приходилось доверять свои негативы посторонним, результат ее не удовлетворил ни разу. Это стало одной из причин, подтолкнувших Митчелл открыть свое дело.

– Я люблю работать в темной комнате.

Она впервые улыбнулась. Шейд прищурился, фокусируя взгляд на ее лице. Эта женщина обладала какой-то странной силой. Колби пока не понял. Ее легкая непринужденная улыбка просто сбивала с ног.

Раздался стук в дверь, Брайан подпрыгнула и пошла открывать.

– Ну, наконец-то!

Шейд наблюдал за ней. Он и не догадывался, что она такая высокая. «Метр семьдесят пять, – определил он навскидку, – и это в основном за счет ног». Не заметить улыбку Брайан было трудно. Не заметить ее ноги – невозможно.

И ее запах. Шейд не чувствовал его, пока она не прошла мимо. Ленивый секс. Описать этот аромат иначе нельзя. Не цветочный, не изысканный – базовый. Колби сделал затяжку, наблюдая за тем, как Брайан смеется вместе с посыльным.

Фотографы, как известно, часто страдают от предубеждений, это неотъемлемая часть профессии. Шейд думал, что Брайан окажется гламурной и заносчивой, с такими людьми он давно отказывался сотрудничать. Теперь же предстояло еще раз обдумать предложение. Готов ли он работать с женщиной, пахнущей сумерками и одевающейся как пляжница?

Отвернувшись от нее, Шейд открыл первую попавшуюся папку. Узнал изображенную на фотографии женщину. Королева кассовых сборов, заполучившая двух «Оскаров» и трех мужей. Брайан одела ее в блески. Кесарю – кесарево. Но фотография тем не менее необычная.

Актриса сидела на столе, заставленном баночками и тюбиками с кремами и лосьонами, смотрела на свое отражение в зеркале и смеялась. Вместо аккуратной деланой улыбки без единой морщинки на снимке был запечатлен здоровый громкий смех, который казался вполне осязаемым, слышимым. Зрителю не сказали, что так рассмешило актрису, собственное отражение или образ, который она создавала не один год.

– Нравится? – Брайан остановилась рядом, держа в руках картонную коробку.

– Да. А ей самой как?

Слишком голодная, чтобы соблюдать формальности, Брайан открыла коробку и взяла кусок пиццы.

– Она потом заказала снимок шестнадцать на двадцать четыре для своего жениха. Будешь?

Шейд заглянул под крышку.

– Как здесь с начинкой?

– Всего хватает. – Брайан поискала в ящике стола салфетки, достав коробку бумажных платочков. – Я верю в потакание слабостям. – Поставив открытую коробку между собой и Шейдом, Брайан откинулась на спинку стула и положила ноги на стол. Пора переходить к активным действиям. – Значит, ты пришел поговорить о задании?

Колби взял пиццу и пачку платочков.

– Нет пива?

– Только газировка. Обычная и диетическая. – Брайан с наслаждением откусила огромный кусок. – Я не держу алкоголь в студии. Обычно это ни к чему хорошему не приводит, клиенты пьянеют.

– Опустим сейчас этот момент. – Мгновение они молча жевали, оценивая друг друга. – Я много думал о задании.

– Оно отличается от того, к чему ты привык. – Шейд с удивлением поднял бровь. Брайан смяла салфетку и бросила ее в мусорное ведро. – Твои заграничные работы жесткие. В них есть чувствительность и сострадание, но ужаса гораздо больше.

– Такое было время. То, что я снимал, и не должно было выглядеть милым.

На этот раз удивилась Брайан. Колби однозначно особо не задумывался над тем, по какому пути шла она.

– То, что я снимаю, не обязано всегда выглядит резким. В искусстве есть место веселью.

В ответ на это замечание Шейд только пожал плечами.

– Даже если бы мы смотрели на вещи одинаково, все равно увидели бы разное.

– Потому-то каждая фотография уникальна. – Она наклонилась вперед и взяла еще кусок пиццы.

– Я люблю работать в одиночку.

Брайан сосредоточенно жевала. Если Шейд собирается разозлить ее, он на правильном пути, а если он просто демонстрирует характер, это тоже не очень хорошо. Впрочем, как бы то ни было, Брайан очень хочет получить задание, а Колби – его часть.

– Я тоже, – осторожно сказала Брайан, – но иногда нужно идти на компромисс. Тебе ведь это знакомо, Шейд? Ты идешь навстречу мне, я – тебе. И где-то посередине мы встречаемся.

А она не такая отрешенная, какой кажется. Это хорошо. Колби не хотелось отправляться в путешествие с медлительным человеком, который, кажется, вот-вот покроется плесенью. «Три месяца, – снова подумал он. – Почему бы и нет? Можно ведь установить основные правила».

– Я разработал маршрут, – начал он резко. – Стартуем из Лос-Анджелеса через две недели. Каждый сам отвечает за свое оборудование. В пути работаем по отдельности, ты делаешь свои фотографии, я свои. И никаких расспросов.

Брайан слизала с пальца соус.

– Интересно, тебе вообще кто-нибудь когда-нибудь задает вопросы?

– Лучше спроси, отвечаю ли я на них. – Он сказал именно то, что имел в виду. – Редактор хочет две точки зрения – он их получит. Темную комнату будем периодически арендовать. Да, и еще: я просматриваю все твои негативы.

Скомкав еще одну салфетку, Брайан ответила:

– Нет, я тебе не разрешаю. – И лениво скрестила ноги в щиколотках. Ее глаза посинели, и только это выдавало просыпавшееся в ней раздражение.

– Я не хочу, чтобы мое имя стояло под подборкой попсовых снимков.

Чтобы не потерять над собой контроль, Брайан снова принялась жевать. Она четко поставила, что хочет сказать Колби. В конце концов, держать себя в руках – очень энергозатратное занятие, да и ни к чему хорошему обычно не приводит.

– Первым делом я хочу прописать в контракте условие: все наши фотографии должны быть подписаны, одного автора не должна смущать работа другого. Не хочу, чтобы меня обвиняли в отсутствии чувства юмора. Будешь еще?

– Нет. – Не такая уж она и мягкая. Кожа на локте, может быть, и нежная, как масло, но сама леди вовсе не такая. Произнесенные будничным тоном оскорбления неприятны, но все же лучше, чем безвольное соглашательство во всем. – Мы уедем пятнадцатого июня, а вернемся после Дня труда. – Шейд увидел, что Брайан тянется за третьим куском. – А раз уж ты столько ешь, предлагаю сразу договориться: свои расходы каждый оплачивает сам.

– Отлично. На всякий случай еще кое-что: если у тебя возникли какие-то иллюзии на мой счет, я не собираюсь готовить и убирать за тобой. Я согласна вести машину по очереди, но отказываюсь катать тебя, если ты напьешься. Когда снимаем темную комнату, всегда заранее договариваемся, кто пользуется ею первым. С пятнадцатого июня до Дня труда мы партнеры. Если с этим есть какие-то проблемы, давай обсудим их сейчас, пока не поставили подписи рядом с местом для печати.

Колби задумался. У Брайан приятный голос, певучий, тихий, можно сказать, успокаивающий. Возможно, они с ней неплохо уживутся. Если, конечно, она не будет так часто улыбаться, а Шейд сможет не обращать внимания на ее ноги. Пока это не большая проблема. На первом месте работа. А еще то, чего он от нее ожидал.

– У тебя есть любовник?

Брайан чуть не подавилась.

– Если это предложение, – начала она мягко, – вынуждена его отклонить. Грубые, задумчивые мужчины не в моем вкусе.

Внешне Шейд остался спокойным, но про себя отметил этот укол.

– Мы будем жить вместе три месяца. – Брайан его испытывала, хотя, возможно, и не отдавала себе в этом отчета. Шейд не возражал, хотя, возможно, не был готов себе в этом признаться. Он наклонился вперед. – Я не хочу иметь дело с надоедливым любовником, который станет гоняться за нами и названивать, пока я пытаюсь работать.

Да за кого он ее принимает! За какую-то дурочку, которая не может решить проблемы в личной жизни? Брайан заставила себя на мгновение остановиться. Может, у Шейда был какой-то неприятный опыт, связанный с отношениями. Впрочем, не ее проблемы.

– Я позабочусь о своих любовниках, Шейд. – Она с удвоенной энергией принялась грызть корочку пиццы. – А ты позаботься о своих любовницах. – Брайан вытерла пальцы о последнюю салфетку и улыбнулась. – Извини, что прерываю вечеринку, но мне нужно работать дальше.

Он встал и прежде, чем посмотреть ей в глаза, скользнул взглядом по ее ногам. Шейд возьмется за задание. И получит три месяца на то, чтобы выяснить, как он к ней относится.

– Я на связи.

– Хорошо.

Брайан подождала, пока он закроет за собой дверь, потом с энергией и скоростью, которые обычно берегла для работы, подпрыгнула и швырнула картонную коробку в сторону выхода.

Три месяца обещали быть долгими.

Глава 2

Она точно знала, чего хочет. По всему выходило, что Брайан начнет работать над летним проектом для «Стиля жизни» немного раньше, чем задумывалось, но идея опередить на шаг Шейда Колби ей нравилась. Мелочь, а приятно.

В любом случае она сомневалась, что мужчина вроде Колби оценит такую большую радость, как последний день в школе. Судя по всему, лето начинается с дикого порыва свободы.

Выбор пал на обычную начальную школу. Брайан хотелось невинности и реалистичности, а снимать детей, которые, спустившись со школьного крыльца, садятся в лимузин, не было никакого желания. Школа, которая ей понравилась, походила на множество других школ, раскиданных по всем Штатам. Самые обычные дети, и каждый зритель – не важно, сколько ему лет, – увидит на этой фотографии себя.

К съемке Брайан готовилась долго. Выбрала с дюжину ракурсов, но в конце концов остановилась на одном. Нельзя было выстроить кадр, да никто и не рекомендовал так делать. Только случайный снимок мог передать то, что она хотела запечатлеть. Спонтанность и скорость.

Когда прозвенел звонок и двери школы распахнулись, Брайан увидела именно это и не пожалела о своем выборе, пусть ее чуть не затоптали быстро мелькавшие кроссовки. С криками, воплями и свистом дети высыпали на улицу, под солнце.

Настоящая лавина! Только эта мысль крутилась в тот момент в голове у Брайан. Быстро опустившись на колени, она принялась снимать первую волну детей, стараясь поймать их в кадре под углом, при котором просматривалась скорость, с которой несется огромная неуправляемая толпа школьников.

«Бежим! Бежим! Наступило лето, теперь каждый день суббота!» До сентября, казалось, годы. Это Брайан читала в лице каждого ребенка.

Повернувшись, она стала снимать следующую группу детей. После обработки покажется, что они вот-вот соскочат с журнальной страницы. Повинуясь импульсу, Брайан повернула фотоаппарат, чтобы сделать вертикальный снимок. Кадр получился отличным. Мальчик лет восьми-девяти прыгнул со ступеней, вскинув руки вверх. На его лице сияла улыбка. Она поймала школьника в воздухе, когда он возвышался над головами разбегающихся в разные стороны ребят. Мальчуган сиял, околдованный магией золотой дороги свободы, которая расстилалась перед ним.

Брайан уже точно знала, какой снимок отдаст в журнал, тем не менее продолжала работать. Через десять минут она завершила фотосъемку.

Довольная, сменила объектив и выбрала другую точку для съемки. Школа опустела, теперь Брайан хотела снять здание. Решив, что яркий солнечный свет тут лишний, она взяла контрастный фильтр. При печати фотографии можно будет схитрить, закрыть на ней чем-нибудь небо, чтобы эта часть снимка не была засвечена. Ей хотелось передать чувство пустоты, ожидания в противовес жизни и энергии, которые только что били в школе ключом. Отсняв всю пленку, Брайан выпрямилась и повесила фотоаппарат на ремешок.

«Каникулы», – подумала она и сама почувствовала мощное дуновение ветра свободы. Лето только начиналось.

После увольнения из «Селебрити» дел у Брайан меньше не стало. Наоборот, оказалось, она сама контролирует себя строже журнального начальства. Она любила фотографию и готова была отдавать ей все дни и большую часть вечеров. Бывший муж даже говорил, что она раба своей камеры. Брайан никогда ничего не могла на это возразить. Проработав два дня вместе с Шейдом, она поняла, что не одна такая.

Брайан всегда считала себя педантичным ремесленником, но на фоне Колби выглядела лентяйкой. Его терпение восхищало и одновременно раздражало до зубовного скрежета. У них совершенно разный подход. Брайан снимала, чтобы передать свою точку зрения, эмоции, чувства. Шейд же уважал двусмысленность. Его фотографии обрастали дюжиной разных идей, но свое мнение он всегда оставлял при себе. Впрочем, все, связанное с ним, всегда скрывалось в полумраке.

Шейд не любил болтать, Брайан не имела ничего против работы в тишине. Только его долгие молчаливые взгляды раздражали, но она не особенно переживала из-за того, что ее внимательно, как под микроскопом, изучали.

После визита Колби они встречались дважды и оба раза спорили о том, как лучше проложить маршрут и какие темы выбрать для репортажа. Мягкости в Шейде Брайан не обнаружила, зато резкости оказалось сколько угодно. Но проект обоим казался важным, потому приходилось делать так, как предложила Брайан, – искать компромиссы.

Когда поднявшаяся после знакомства волна раздражения улеглась, Брайан решила, что они с Шейдом вполне могут стать друзьями за следующие несколько месяцев. На профессиональной почве, конечно. Правда, спустя два дня совместной работы поняла, что этому никогда не бывать. Колби не вызывал желания дружить с ним. Он умел только ставить в тупик и бесить. Брайан чаще соглашалась на второй вариант.

Она старалась изучить Колби, убеждая себя в том, что причина ее интереса банальна, нельзя отправляться в путешествие с мужчиной, которого едва знаешь. Чем больше она узнавала его, чем больше черных пятен открывала, тем сильнее было ее любопытство.

Лет в двадцать Колби женился и сразу же развелся. Вот так просто, и никаких анекдотов, слухов, обвинений и оправданий. Он хорошо заметал следы. Как фотограф «Международного обозрения» Шейд пять лет провел за границей. Не в уютном Париже, Лондоне или Мадриде, а в Лаосе, Ливане и Камбодже. За работу в этих странах его номинировали на Пулитцеровскую премию, и он получил награду Международного пресс-клуба.

Фотографии Шейда можно было изучать и обсуждать, но его личная жизнь оставалась загадкой. Он редко общался, его друзья были невероятно верными и удручающе молчаливыми. Если Брайан захочет узнать о нем больше, придется делать это во время путешествия.

Она сочла хорошим знаком согласие Колби поработать перед отъездом один день на пляже. Выбрать место не составило труда. Тему отдыха на пляже решили сделать одной из основных. Ее можно было раскрывать почти везде, от Кейп-Кода до Калифорнии.

Сначала фотографы долго брели по песку. Шли в ногу, как друзья или любовники, хотя и не касались друг друга. Шейд все время молчал, но Брайан уже успела понять, что он готов болтать ни о чем только в определенном расположении духа.

Было около десяти утра, но яркое солнце уже обжигало. В будний день на пляже отдыхали только старики и дети. Когда Брайан остановилась, Шейд, не говоря ни слова, пошел дальше.

Она заметила необычную сцену. Пожилая женщина в мягкой широкополой шляпе, длинном пляжном платье и вязаной шали сидела под зонтом и наблюдала за своей внучкой. Девочка, на которой были надеты только розовые кружевные трусики, копала яму в песке. Малышку заливало солнце, а ее бабушку скрывала тень.

Нужно было, чтобы женщина дала согласие на фотосъемку. Необходимость просить людей подписать специальную форму всегда раздражала Брайан, она старалась по мере возможности избегать этого, но сейчас такой возможности не было, поэтому она набралась терпения, готовясь болтать со старушкой, пока та снова не успокоится.

Женщину звали Сэди, ее внучку так же. Брайан еще ни разу не спустила затвор, хотя уже знала, что назовет снимок «Две Сэди». Осталось только вернуть взгляду женщины мечтательность, исчезнувшую во время разговора.

На все ушло двадцать минут. Брайан даже забыла, что ей нестерпимо жарко. Она слушала, думала и перебирала разные ракурсы, точно зная, какого эффекта хочет добиться. Необходимо передать желание женщины защитить себя, отсутствие такового у девочки и связь, которую создали между ними время и кровь.

Погрузившись в воспоминания, Сэди забыла о камере и не заметила, что Брайан начала снимать. Брайан же нужен был контраст, и она получила его. При печати она не будет нежничать, подчеркнет все морщины женщины, ее складки и высветит безупречную кожу маленькой девочки.

Поболтав из благодарности еще несколько минут, Брайан записала адрес Сэди и пообещала прислать снимки, потом отправилась дальше на поиски сюжетов.

Шейд тоже снимал, только молча. Его объект – мужчина, красный и обрюзгший, – лежал вниз лицом на полинялом пляжном полотенце. Не важно, кто он, бизнесмен, взявший отгул, или торговец из Айовы. В отличие от Брайан Колби искал в тех, кто жарился под солнцем, не различия, а сходства. Рядом с мужчиной валялись резиновые шлепанцы, из песка торчала бутылочка лосьона для загара.

Выбрав две точки, Колби сделал по шесть снимков с каждой из них и не сказал при этом ни слова посапывавшей модели. Довольный результатом, он оглядел пляж и примерно в трехстах метрах от себя увидел Брайан, которая как ни в чем не бывало раздевалась. Сняв шорты, осталась в красных шелковых плавках с глубокими вырезами по линии бедер. Ее профиль, четкий, хорошо различимый, был, казалось, вычерчен чьей-то твердой умелой рукой.

Шейд не растерялся. Поймал ее в объектив, настроил диафрагму, немного изменил ракурс, чуть-чуть подождал и в тот момент, когда Брайан прикоснулась к кромке футболки, нажал на спуск.

Эта женщина так проста и естественна... В мире, где самолюбование превратилось в религию, Колби уже и забыл, что можно не заикливаться на себе. Брайан продолжала медленно раздеваться, постепенно обнажая тонкое изящное тело. Стянула через голову футболку и подставила лицо солнцу, приветствуя тепло. У Шейда в груди что-то зашевелилось.

Желание. Он узнал его. Повода для беспокойства не было.

«Наступило то, – сказал себе Шейд, – что коллеги называют решающим моментом». Фотограф что-то замечает и начинает снимать, в это время действие продолжает развиваться перед его глазами. Когда визуальный элемент соединяется с эмоциональным, в данном случае с пробуждением желания, успех обеспечен. Нельзя переиграть все заново, снять еще раз. В этом и заключается прелесть решающего момента: все или ничего. И если по телу Колби пробежала судорога, значит, все получилось, он сумел запечатлеть эту ленивую сексуальность.

За свою долгу карьеру Шейд научился не сопереживать тем, кого снимал. Даже если что-то в них пробирало до глубины души. Брайан, кажется, и не думала обращать на себя его внимание, но он решил не рисковать и, отвернувшись, попытался выкинуть ее из головы. У него получилось. Ну, почти получилось.

Они снова встретились спустя четыре часа. Она сидела на песке у киоска и ела хот-дог, залитый невероятным количеством горчицы и соуса из маринованных огурцов. Рядом на песке лежали сумка с камерой и банка с газировкой. На ней были узкие очки в красной оправе. Шейд видел в них свое отражение.

– Как дела? – спросила Брайан с набитым ртом.

– Под соусом хоть есть хот-дог?

– Угу. – Она сглотнула и жестом указала на киоск. – Невероятно вкусно.

– Я не буду. – Шейд сел рядом, взял нагретую от песка газировку и сделал большой глоток. В банке оказался какой-то сладкий апельсиновый лимонад. – Как ты, черт побери, это пьешь?

– Нужно поднять уровень сахара, я сделала несколько шикарных снимков. – Брайан потянулась за газировкой. – Хочу их напечатать до отъезда.

– Пожалуйста. Только будь готова к семи.

Сморщив нос, она доела хот-дог. Уж лучше работать до семи утра, чем вставать в такую рань. В путешествии первым делом придется как-то разобраться с разницей в их биологических ритмах. Брайан, конечно, понимала красоту и мощь фотографии, сделанной на рассвете, однако предпочитала загадочные цвета заката.

– Хорошо. – Она встала, стряхнула песок с шорт и натянула футболку поверх купальника. Шейд вполне мог бы сказать, что без нее Брайан выглядела более целомудренной. Футболка обтягивала бедра и просто приковывала к ним взгляд. – Только ты поведешь первым, – продолжила Брайан. – Я начну нормально функционировать часам к десяти.

Шейд не знал, зачем сделал это, он ведь всегда обдумывал все движения, текстуры, формы и цвета. Расчленял их в поисках структуры, а потом собирал вновь. Таков Колби, и импульсам в его жизни не было места. Но сейчас он протянул руку и схватил косу Брайан, совершенно не задумываясь о последствиях. Уж очень хотелось прикоснуться к ее волосам.

Она удивилась, он заметил, но не отпрянула. Впрочем, на губах у нее не было той полуулыбки, которой женщины обычно награждают мужчин, прикоснувшихся к тому, что им понравилось.

Ее волосы оказались мягкими. Колби давно заметил это и теперь смог подтвердить свою догадку. Его, правда, по-прежнему расстраивало то, что они не развеивались свободно, их нельзя было пропустить сквозь пальцы.

Он не понимал Брайан. Пока не понимал. Она зарабатывала на жизнь, снимая элиту, блеск, показную роскошь, а сама при этом была невзыскательна. Из украшений носила только тонкую золотую цепочку, на которой в ложбинку между грудей спускался маленький египетский крест. Духами не пользовалась, но аромат ее тела манил Шейда. Она могла с помощью нескольких женских штучек превратиться в нечто восхитительное, но, кажется, игнорировала эту возможность, предпочитая простоту. И это само по себе привлекало.

Несколько часов назад Брайан решила, что не позволит ставить себя в тупик. Шейд же только что решил, что не позволит себя соблазнить, и тут же молча выпустил ее косу.

– Куда тебя отвезти, домой или в студию?

Вот так? За несколько секунд он справился с ней и теперь хотел знать лишь, где ее высадить.

– В студию. – Она наклонилась и подобрала сумку с камерой.

Во рту пересохло, но она выкинула еще наполовину полную банку с газировкой в урну, сомневалась, что сможет глотать, в горле стоял ком. А пока они шли к машине Шейда, Брайан поняла, что если она сейчас хоть что-нибудь не скажет, то взорвется.

– Тебе нравится образ холодного и высокомерного человека, который ты себе создал?

Шейд даже не взглянул на нее, хотя с трудом сдержал улыбку.

– Мне с ним удобно.

– А людям, которые решились подойти к тебе ближе, чем на полтора метра, нет. – Она, черт побери, выведет его из равновесия. – Может быть, ты сам на себя слишком сильно давишь? – предположила Брайан. – Шейд Колби, пленительный и загадочный, опасный и мощный, как его фотографии.

На этот раз Колби улыбнулся, удивив Брайан. Ей почему-то захотелось взять его за руку и посмеяться вместе.

– Где ты прочитала эту ерунду?

– В «Селебрити», – пробурчала она. – Апрельский выпуск пятилетней давности. Там был репортаж с аукциона, на котором продавали фотоснимки. Твой ушел с молотка за семь с половиной тысяч.

– Правда? – Он обвел взглядом ее профиль. – А у тебя память лучше, чем у меня.
Брайан остановилась и повернулась к нему.

– Черт побери, это я его купила! Снимок улицы, тяжелый, атмосферный, завораживающий. Но если бы я тогда была с тобой знакома, не дала бы за него и десяти центов! Выкинула бы его, добравшись до дома! Но фотография меня зацепила. Правда, сейчас мне, пожалуй, придется повернуть ее к стене месяцев на пять, пока я не забуду, что фотограф, который ее сделал, такой придурок!

Шейд спокойно все это выслушал, а потом кивнул:

– Ты становишься очень красноречивой, ко гда злишься.

Коротко выругавшись, она отвернулась и пошла к машине. Шейд догнал Брайан у передней пассажирской двери.

– Раз уж мы собираемся жить вместе следующие три месяца, выскажи все сразу.

Брайан старалась говорить как ни в чем не бывало, но ничего не получалось, она все равно цедила слова сквозь зубы.

– На тему?

– На тему того, что тебя во мне раздражает.

Она глубоко вздохнула, потому что ненавидела злиться, это ее всегда выматывало, взяла себя в руки, схватилась за верхнюю часть открытой двери и наклонилась к Шейду.

– Ты мне не нравишься. Говорю об этом прямо, потому что раньше не встречала столь неприятных людей, как ты.

– Ни разу?

– Ни разу.

Почему-то Колби ей поверил. Кивнул и накрыл ее ладони своими.

– Я бы не хотел, чтобы меня причисляли к какой-нибудь группе. И еще, мы вовсе не обязаны друг другу нравиться.

– Работать легче, если партнер не раздражает.

Не убирая рук, Шейд обдумал эту мысль. Его ладони были грубыми, кожа Брайан – мягкой. Этот контраст ему нравился, возможно, даже слишком нравился.

– Ты любишь, когда все легко и просто?

Это прозвучало как оскорбление. Брайан выпрямилась и тут же отшатнулась назад из-за того, что ее глаза были на уровне рта Колби.

– Да, трудности мне не нравятся. Они мешают и вечно все портят. Я бы предпочла избавиться от них и заниматься тем, что действительно важно.

– Только вот мы еще не начали, а у нас уже проблемы.

Брайан старалась смотреть Шейду в глаза, но не могла не обращать внимания на его ладони, которые легко и одновременно уверенно давили на ее руки. Понимала и значение этого жеста. С самого начала они с Шейдом избегали этой темы, поэтому сейчас Брайан решила взять быка за рога.

– Ты мужчина, я женщина.

Шейду понравилось, как она это сказала.

– Вот именно. Можно, конечно, сказать, что мы оба фотографы и что фотограф – существо бесполое, – он едва заметно улыбнулся, – но это все чушь собачья.

– Наверное, действительно чушь, – ответила Брайан спокойно, – нам нужно как-то выйти из ситуации. Впрочем, ты мне не нравишься, и это к лучшему. Работа на первом месте.

– Нравлюсь – не нравлюсь, химия тут ни при чем.

Брайан осторожно улыбнулась, ее пульс участился.

– Это приличный синоним к слову «похоть»?

А она, похоже, не станет ходить вокруг да около, коль скоро об этом зашел разговор. «Что ж, зато честно», – решил Шейд.

– Как ни называй, причина та же. Нужно обсудить ее. Тогда мы сможем двигаться дальше.

Он крепче сжал руки Брайан, и она посмотрела на тыльную сторону его ладоней. Значение этого жеста было ей понятно, но мотивы Шейда оставались тайной.

– Размышления о том, на что это похоже, станут отвлекать нас обоих, – продолжил он. Брайан заволновалась и снова посмотрела ему в лицо. Сердцебиение участилось, Шейд почувствовал это, коснувшись ее запястья, но она не попыталась вырвать руки. Если бы... Впрочем, какой смысл фантазировать. Нужно двигаться вперед. – Вот что, давай просто все попробуем. Потом проанализируем, подошьем в каталог и пойдем дальше.

Звучало разумно. Но инстинкт подсказывал Брайан, что доверять таким разумным аргументам не стоило. Шейд, однако, совершенно прав, говоря, что фантазии будут их отвлекать. Брайан уже давно страдала от любопытства. В губах Шейда, казалось, сконцентрировалась вся его мягкость, хотя рот и был олицетворением твердости, резкости и упрямства. Интересно, как он целуется? Каков на вкус?

Брайан позволила себе взглянуть на его губы, и их изогнула улыбка. Чем она вызвана, весельем или сарказмом? Брайан не знала. Но именно эта улыбка подсказала ей решение.

– Ну ладно. – Насколько чувственным может быть поцелуй, если между вами дверь автомобиля?

Они потянулись друг к другу, медленно, будто ожидая, что кто-то из них в последний момент отпрянет назад. Соприкосновение губ было легким и сухим. На этом все могло бы закончиться, они бы просто пожали плечами и навсегда утратили интерес друг к другу. Тем не менее поцелуй состоялся, две пары губ встретились.

Но что-то пошло не так, специально или нет, кто-то допустил ошибку. Оба были любопытны, возможно, именно любопытство явилось решающим фактором. Или все это было предначертано судьбой. Так или иначе, поцелуй постепенно становился все чувственнее и, наконец, захватил их настолько, что было поздно что-то менять.

Приоткрытые губы требовали и отдавали. Пальцы сплелись. Головы склонились. Поцелуй становился все глубже и глубже. Дверь машины уже нельзя было открыть шире, но Брайан поняла, что продолжает давить на нее, мечтая о большем, требуя большего, покусывая нижнюю губу Шейда. Она права, вся нежность этого мужчины сконцентрирована в губах, невероятно мягких и буквально тающих под поцелуями.

Брайан не привыкла к быстрой смене настроений и никогда ничего подобного не испытывала. У нее не получилось просто расслабиться и наслаждаться. А ведь поцелуи существуют именно для этого. По крайней мере, еще мгновение назад она считала так. Но поцелуй Шейда отнимал у нее силы и энергию. Он длился и длился, и Брайан поняла, что к тому моменту, когда все закончится, она будет истощена. Но это не помешало ей наслаждаться удовольствием и предвкушать чудесное продолжение.

Он должен был догадаться. Он, черт побери, обязан был догадаться, что Брайан не так проста, как кажется. Разве он не почувствовал боль, лишь взглянув на эту женщину? После поцелуя легче не станет, боль обострится. Брайан смогла выбить его из колеи, он утратил контроль над собой, а без этого нельзя работать, жить, здраво рассуждать. Годы страха, пота и надежд потребовались Шейду, чтобы развить и отточить способность держать себя под контролем. Это было необходимо в темной комнате, в выборе ракурса, это вполне подходило и для отношений с женщинами. Для вполне успешных безболезненных отношений. Но один поцелуй Брайан – и Шейд понял, все его усилия были напрасны.

Чтобы доказать себе и ей, что все контролирует, Шейд позволил поцелую стать более глубоким, влажным, эмоциональным. Опасность возросла, и это нравилось Колби.

Сейчас он, возможно, забудется, однако потом, когда все закончится, точно сумеет выкинуть все из головы.

Брайан оказалась горячей, сладкой, сильной. Она обжигала, и Шейд даже немного отклонился назад, чтобы от ее жара не остался шрам. У него их и так предостаточно, жизнь не всегда так приятна, как первый поцелуй в жаркий полдень, – это Шейд знал наверняка.

Он отстранился от Брайан, потешив свое самолюбие демонстрацией контроля. Пульс скакал, в голове стоял туман, но Шейд держал себя в руках.

У Брайан все кружилось перед глазами. Если бы у нее сейчас о чем-нибудь спросили – о чем угодно, – она не смогла бы ответить. Прижавшись к двери машины, ждала, пока все придет в норму. Брайан знала, что этот поцелуй ее иссушит, и теперь чувствовала упадок сил.

Заметив мягкий взгляд ее глаз, перед которым не смог бы устоять ни один мужчина, Шейд отвернулся.

– Я высажу тебя у студии.

Пока он обходил машину, чтобы сесть в водительское кресло, Брайан забралась в салон. «Проанализируем, подошьем в каталог и пойдем дальше». Ага, как же.

Она честно пыталась. Старалась забыть то, что испытала вместе с ним, потому работала до трех утра. Проявила пленки с пляжа и из школы, выбрала для печати два негатива и довела их до совершенства. Получились, пожалуй, самые лучшие кадры за всю ее карьеру. Только после этого Брайан поползла домой.

У нее оставалось четыре часа на то, чтобы поесть, собраться и поспать. Соорудив гигантский сэндвич, она взяла чемодан, который выбрала для поездки, и сложила в него все самое необходимое. Потом, падая от усталости, принялась за хлеб, мясо и сыр. Все это она щедро запивала молоком. Еда никак не укладывалась в желудке, поэтому Брайан оставила наполовину недоеденный ужин на столике у кровати и пошла собираться дальше.

На шкафу она нашла коробку с классическими пижамами, которые очень походили на мужские. Их подарила мать на Рождество. Брайан решила, что такие пижамы – незаменимая вещь в путешествии, и вывалила их на гору джинсов и нижнего белья. В таких пижамах не было абсолютно ничего соблазнительного, по крайней мере, она так считала и надеялась, что не будет выглядеть в них сексуально. Сегодня ей слишком резко напомнили о том, что она женщина, а у женщин есть слабости, которым постоянно нужно сопротивляться.

Брайан не хотела чувствовать себя женщиной рядом с Шейдом. Это слишком рискованно, а она не любила риск. Впрочем, она не из тех, кто старается подчеркнуть свою принадлежность к слабому полу, и это должно было существенно все облегчить.

Так она себя успокаивала.

Скоро их с Шейдом поглотит работа, они перестанут обращать друг на друга внимание и даже не заметят, если у кого-нибудь из них вырастет вторая голова или четыре дополнительных пальца.

Так она себя успокаивала.

То, что случилось днем, не имеет значения, фотографии иногда попадают в ситуации, когда сам кадр диктует условия. И больше это не повторится, потому идеально воссоздать условия не получится.

Так она себя успокаивала.

А потом просто перестала думать о Шейде Колби. Было уже около четырех утра. Следующие три часа нужно было посвятить себе, потому что такой момент еще долго не представится. И Брайан потратила их на то, что любила больше всего на свете, – на сон. Она разделась, бросив все, что на ней было, на пол, забралась в кровать и даже не позаботилась выключить свет.

На другом конце города в темноте лежал Шейд. Он не спал, хотя вещи упаковал уже давно. Одежда и оборудование были аккуратно сложены у двери. Колби собрался, подготовился и теперь просто лежал с широко открытыми глазами.

Такое уже случалось, так что бессонница сама по себе его не сильно беспокоила. Ему не нравилось то, что ее вызвало – знакомство с Брайан Митчелл. Вечером он смог отодвинуть ее на периферию сознания, но совсем выкинуть эту женщину из головы не получилось.

Он шаг за шагом разобрал то, что между ними случилось днем, но это ничего не изменило, в Шейде проснулось желание. Пусть ненадолго, лишь на мгновение между ударами сердца, но проснулось. Этого он не мог себе позволить. Больше ничего подобного не случится.

Брайан Митчелл была одной из тех трудностей, которых она сама так любила избегать. Шейд же к ним привык. У него никогда не было проблем с преодолением невзгод. И с этой женщиной тоже не возникнет.

Так он себя успокаивал.

На следующие три месяца они с головой погрузятся в работу над проектом, который будет отнимать у них все силы и все время. А когда Шейд работает, он умеет концентрировать внимание на чем-то одном и игнорировать все остальное. Это всегда выходит легко.

Так он себя успокаивал.

Что случилось, то случилось. Шейд все еще считал, что с чувствами надо бы разобраться до отъезда, чтобы не мешали и не раздражали. Это было сделано.

Так он себя успокаивал.

Но уснуть не мог. Боль в желудке никак не была связана с ужином, который остыл в тарелке нетронутым.

Сейчас у него три часа на себя, а потом три месяца с Брайан. И Шейд сделал то, что всегда у него хорошо получалось в стрессовых ситуациях, – заставил себя уснуть.

Глава 3

К семи Брайан собралась, однако не была готова общаться. Когда Шейд припарковался у обочины, она уже спустилась и вышла на тротуар, полагая, что пунктуальность важна, а изображать веселье, когда не хочется, не обязательно.

Брайан прорычала что-то Шейду – ничего более похожего на приветствие в такой ранний час она выдать не могла, – молча закинула вещи в его фургон, плюхнулась на пассажирское сиденье, вытянула ноги и закрыла глаза.

Шейд посмотрел ей в лицо, скрытое старой соломенной шляпой и круглыми очками с линзами янтарного цвета.

– Тяжелая ночка выдалась? – спросил он, но Брайан уже уснула.

Покачив головой, он отпустил тормоза, и машина выкатилась на дорогу. Путешествие началось.

Длинные переезды нравились Шейду. Можно вести машину и думать. Или не думать. Как захочется. Меньше чем через час он выбрался из плотного лос-анджелесского потока машин и отправился на север, в глубь штата. Ехать по пустой дороге навстречу восходящему солнцу было приятно. Свет отражался от хромированных деталей фургона, дрожал на кузове и исчезал за дорожными знаками.

За день Шейд планировал сделать восемьсот или даже девятьсот километров в сторону Юты, если, конечно, по дороге не попадется что-то интересное и не придется делать остановку для фотосъемки. С завтрашнего же дня можно будет уже не спешить, спешка противоречит самой сути задания. Они будут работать в местах, которые обговорили заранее, и перемещаться дальше по мере необходимости.

Точного маршрута и жестких временных ограничений никто не ставил, надо было лишь попасть на восточное побережье ко Дню труда. Шейд включил тихонько радио и поймал волну с веселой кантри-музыкой. Он мчался по шоссе на ровной высокой скорости. Рядом спала Брайан.

Если она предпочитает проводить время так, никаких проблем не возникнет. Пока Брайан спит, они не могут трепать друг другу нервы. Или распалять страсть. Шейд до сих пор не понимал, почему мысли об этой женщине не давали ему уснуть. Что в ней такого особенного? Он не знал, и это его беспокоило.

Он предпочитал решать проблемы на этапе появления, пока они не успели перерасти в нечто большее. Брайан сейчас тихая и почти незаметная, как любая проблема на этапе появления, но Шейд сомневался, что сможет с ней справиться.

Согласившись на поездку, он постарался узнать о своей спутнице как можно больше. Конечно, оберегал неприкосновенность личной жизни, но это не означало, что у него совсем не было друзей. Так он узнал, что Брайан работала в «Селебрیتی» и несколько раз проводила гораздо более интересные и необычные фотосессии для «Вэнити» и «Ин Тач». За несколько лет она стала культовым фотографом благодаря оригинальному и нетрадиционному подходу к съемке знаменитостей.

Правда, кое-что Шейду выяснить не удалось. Брайан была дочерью художника и поэтессы. Эксцентричные и не очень успешные родители жили в Кармеле. Не дождавшись двадцатилетия, Брайан вышла замуж за бухгалтера и спустя три года развелась с ним. После этого у нее было несколько романов. Сейчас она серьезно обдумывает возможность купить пляжный домик в Малибу. Ее все любят и уважают, и это доверие заслуженное. Иногда она медлительна. Это вызвано стремлением к перфекционизму и верой в то, что спешка – напрасная трата энергии.

Результаты расследования Шейда не удивили, однако в них не было ответа на вопрос о том, почему Брайан казалась ему такой привлекательной. Но Колби, как и любой успешный фотограф, был терпелив. Он знал, что к предмету нужно иногда возвращаться по несколько раз, чтобы наконец понять его суть.

Когда они пересекли границу с Невадой, он закурил и опустил окно. Брайан завозилась, проворчала что-то и стала ощупью искать сумку.

– Доброе утро. – Он бросил на нее быстрый взгляд, не поворачивая головы.

– Угу. – Брайан порылась в сумке и с облегчением схватила шоколадный батончик. Двумя быстрыми движениями сняла фантик и бросила его обратно в сумку. Мусор оттуда всегда регулярно выкидывался.

– Ты всегда ешь сладости на завтрак?

– Это, – Брайан откусила большой кусок и с облегчением вздохнула, – вместо кофеина. – Она медленно вздохнула и потянулась. Торс, плечи, руки, по ее телу прошла плавная волна. Движение было спонтанным. Шейд с иронией поздравил себя, он открыл секрет привлекательности Брайан. – Где мы сейчас?

– В Неваде. – Он выпустил облачко дыма, которое тут же улетело в окно. – Пока что.

Продолжая жевать батончик, Брайан поджала про себя ноги.

– Наверное, теперь моя очередь вести.

– Я скажу тебе, когда придет твоя очередь.

– Ладно. – Она была согласна ехать на месте пассажира до тех пор, пока Шейду не надоест вести, но на радио бросила красноречивый взгляд. Кантри-музыка ей не нравилась. – Только музыку выбирает водитель.

Не имея возражений, Шейд пожал плечами.

– Если хочешь чем-то залить свою конфету, там сзади канистра с соком.

– Правда? – Брайан всегда была не прочь отправить что-нибудь в желудок, поэтому тут же повернулась и полезла в хвост фургона.

С утра она не обратила на машину особого внимания, заметила лишь, что за ней ухаживают и кузов черного цвета. Сзади по бортам шли мягкие скамейки, которые для не очень привередливого путешественника могли сойти за кровать, но она решила, что лучше спать на голом полу.

Все оборудование Шейда было аккуратно уложено и закреплено, а вещи Брайан валялись кучей в углу. Под потолком виднелись черные полки из полированного дерева, где хранились вещи первой необходимости – кофе, электрическая плитка и маленький чайник. «Это все пригодится, – подумала Брайан, – если остановиться в каком-нибудь электрифицированном кемпинге». Она стала искать канистру с соком, ради которой полезла в кузов.

– Ты будешь?

Шейд посмотрел в зеркало заднего вида. Брайан широко расставила ноги для равновесия, одна ее рука лежала на шкафчике.

– Да.

Она вернулась на свое место, захватив сок и два больших пластиковых стакана.

– Все удобства, просто как дома. – Она мотнула головой назад. – Часто путешествуешь на машине?

– Когда есть необходимость. – Он услышал, как лед бьется об стакан, и протянул руку. – Не люблю самолеты: упускаешь возможность сфотографировать что-нибудь по пути. – Шейд выбросил сигарету в окно и стал пить сок. – Если нужно отправиться дальше, чем за восемьсот километров, всегда еду на машине.

– А я ненавижу самолеты. – Брайан сползла набок и оперлась на дверь. – Но, кажется, обречена постоянно летать в Нью-Йорк, чтобы кого-то сфотографировать, потому что этот кто-то не может или не хочет приехать ко мне. Я беру с собой пузырек таблеток от укачивания,

запас шоколадных батончиков, сушеную кроличью лапку и какой-нибудь социально значимый учебник. Это базовый набор.

– Таблетки от укачивания и сушеная кроличья лапка, несомненно, важнее всего.

– Шоколад от нервов. Я ем его, когда волнуюсь. А книга – самый спорный пункт. – Она взболтала содержимое стакана, звякнул лед. – Я читаю и этим будто говорю: «Видите, я тут делом занимаюсь, потому не мешайте мне, давайте обойдемся без авиакатастроф». К тому же от чтения я засыпаю через двадцать минут.

У Шейда уголок рта пополз вверх. Брайан приняла это за добрый знак, путешествие длинной в несколько тысяч километров уже не казалось ей страшным.

– Теперь все понятно.

– Я боюсь летать на высоте девять тысяч метров в тяжелой металлической капсуле вместе с двумя сотнями пассажиров, большая часть которых любит делиться подробностями своей личной жизни с соседями. – Она улыбнулась, закинув ногу на приборную панель. – Да уж лучше проехать на машине через всю страну со странным фотографом, который задался целью как можно меньше рассказывать о себе.

Шейд покосился на Брайан, но решил, что можно поиграть в ее игру, правила были известны всем.

– А ты меня ни о чем и не спрашивала.

– Ну ладно. Начнем с чего-нибудь простого. Почему тебя зовут Шейд? И откуда эта кличка под стать имени – Тень?

Он притормозил, сворачивая к месту для отдыха.

– Это сокращение. От имени Шейдрах.

Брайан все поняла, и глаза у нее расширились.

– И Мисах с Авденаго из книги пророка Даниила?

– Моя мать решила наградить всех своих отпрысков странными именами. Мою сестру зовут Кассиопея. А почему ты Брайан?

– Родители хотели сказать, что они не сексисты.

Как только фургон остановился, Брайан выскочила, согнулась пополам и прикоснулась ладонями к асфальту. Это привлекло внимание мужчины, который сидел в припаркованный рядом «понтиак». Необычная поза так заинтересовала этого туриста, что он добрых тридцать секунд не мог попасть ключом в замок зажигания.

– Боже, у меня все затекло. – Она потянулась, встала на цыпочки, а потом снова опустилась на всю стопу. – Смотри, там есть закусочная. Пойду куплю картошки фри. Ты будешь?

– Но сейчас только десять утра!

– Почти десять тридцать! – поправила его Брайан. – И потом, люди же едят на завтрак драники. Почему бы не взять картошку фри?

Шейд видел разницу между драниками и жареной во фритюре картошкой, но спорить ему не хотелось.

– Да пожалуйста. А я куплю газету.

– Отлично. – Немного подумав, Брайан снова залезла в фургон и достала сумку с камерой. – Встретимся здесь через десять минут.

Идея взять камеру была хорошей, но из-за нее Брайан вернулась только через четверть часа. Как только подошла к закусочной, ее внимание привлекли люди, выстроившиеся в очередь за едой. Около десятка человек стояли извилистой цепочкой под вывеской «Поешь быстро».

На них были мешковатые бермуды, мятые сарафаны и хлопковые брюки. Какой-то кудрявый подросток надел кожаные шорты, они выглядели так, будто их кто-то покрасил краской, а седьмая от прилавка женщина обмахивалась широкополой шляпой с развевающимися лентами.

Эти люди куда-то направлялись и теперь были вынуждены задержаться. Они не хотели ни на кого обращать внимания. Брайан не смогла устоять. Ходила вдоль очереди туда-сюда, пока не нашла удачный ракурс.

Она сняла очередь с конца, так цепочка казалась длиннее. К тому же все стояли спиной к ней, и это подчеркивало разобщенность ожидавших. Где-то впереди многообещающе маячила вывеска «Поешь быстро». Мужчина за прилавком подавал еду и казался мутной тенью. Его будто бы и не было вовсе. Брайан потратила больше десяти минут на фотосъемку и только после этого сама встала в конец очереди.

Шейд стоял с газетой, прислонившись к машине, когда его спутница вернулась. Он уже успел сделать три четко выстроенных кадра на стоянке, сфокусировав свое внимание на автомобильных знаках разных штатов. Оторвавшись от чтения, он увидел Брайан. В одной руке она держала огромный стакан молочного коктейля с шоколадом, в другой – невероятно большую порцию залитого кетчупом картофеля фри, камера висела на плече.

– Извини, – она закопалась в картошке, – сделала пару хороших снимков очереди у закуской. У нас, кажется, половина лета уходит на беготню и ожидание.

– Ты сможешь со всем этим вести машину?

– Конечно. – Брайан плюхнулась на водительское сиденье. – Я часто так делаю. – Она зажала коктейль между колен, положила перед ним картошку и протянула руку за ключами.

Шейд посмотрел на завтрак, размещенный на гладких загорелых ногах.

– Все еще согласна поделиться?

Брайан оглянулась назад, проверяя, нет ли кого сзади, и тронулась.

– Нет. – Она резко повернула руль и выехала со стоянки. – Ты упустил свой шанс. – Она уверенно вела машину одной рукой, снова запустив вторую руку в картошку.

– Ты ужасно питаешься, тебя всю должно было обсыпать прыщами!

– Про прыщи – это все сказки, – заявила она и обогнала тащившийся рядом седан.

После нескольких корректировок из динамиков зазвучали старые добрые Симон и Гарфункель.

– Вот это музыка, – сказала Брайан. – Мне нравится, когда песня помогает представить что-то. А исполнители кантри обычно поют про боль, измены и пьянство.

– И жизнь.

Она взяла коктейль и стала пить его через соломинку.

– Может быть. Только мне кажется, я устала от той реальности, которую ты изображаешь в своих работах.

– И которую ты игнорируешь в своих.

Брайан нахмурилась было, но тут же расслабилась. В чем-то Шейд прав.

– Зато мои работы можно трактовать по-разному. Зачем ты взялся за это задание, Шейд? – неожиданно спросила она. – Лето в Америке – это веселье, а веселье не в твоем стиле.

– А еще лето – это пот, засыхающий под палящим солнцем урожай и измотанные нервы. – Он снова закурил. – Это больше в моем стиле?

– Ты сам все сказал, я тебя за язык не тянула. – Брайан сделала еще глоток коктейля. – Если будешь так много курить, то умрешь.

– Мы в любом случае умрем. – Шейд снова развернул газету и замолчал.

Да кем он, черт побери, был? Брайан задавала себе этот вопрос, постепенно скидывая скорость до шестидесяти. Из-за чего Шейд стал таким циником? Благодаря чему развил свой талант? Чувство юмора, как оказалось, у Колби тоже было, пару раз оно проявилось. Но он, кажется, позволял себе расслабиться только до определенной степени.

Страсть? Да, Шейд был настоящей пороховой бочкой, в этом Брайан не сомневалась. Но что могло привести к взрыву? Точно она знала только одно: этот человек держал себя в

ежовых рукавицах. Страсть, сила, ярость – называйте как хотите – все это уходило в работу, и на личную жизнь ничего не оставалось. По крайней мере, обычно не оставалось.

Брайан понимала, что ей следует быть осторожной и сухой. Такое поведение – лучший способ завершить проект без душевных ран. Но она хотела разобраться в характере Шейда и чувствовала, что не может не поддаться искушению. Ей не терпелось понажимать на разные кнопки и понаблюдать за результатом, возможно, потому, что Шейд ее раздражал и одновременно манил.

Она сказала правду: до этого ее еще никто так не бесил. Работа всегда спасала, Брайан заглядывала в душу человека и изучала его. Не все обнаруженные там качества были достойны восхищения, не все были приятны, но всегда находилось что-то, что Брайан понимала. И теперь она пыталась понять Шейда, это было ей необходимо. Именно поэтому она так хотела его сфотографировать, хоть до поры до времени и не спешила в этом признаваться.

– Шейд, я хочу у тебя еще кое-что спросить.

Он не отрывал глаз от газеты.

– М-м-м?

– Какой у тебя любимый фильм?

Недовольный тем, что его отвлекли от чтения, загнанный в тупик неожиданным вопросом, Шейд посмотрел на Брайан и поймал себя на том, что снова пытается представить ее волосы распущенными.

– Что?

– Какой у тебя любимый фильм? Мне нужен ключ, исходный пункт.

– Для чего?

– Чтобы понять, почему ты привлекаешь меня, почему кажешься интересным и почему так раздражаешь.

– Ты очень странная женщина, Брайан.

– Нет, хотя имею на это полное право. – Она замолчала и перестроилась в другой ряд. – Давай, Шейд. Путешествие будет долгим, давай повеселим друг друга немного. Назови мне фильм.

– «Иметь и не иметь».

– Первый совместный фильм Богарта и Бакалл. – Брайан улыбнулась той улыбкой, которую Шейд находил опасной. – Хорошо. Если бы ты назвал какой-то малоизвестный французский фильм, мне пришлось бы придумывать другой вопрос. А почему именно эта лента?

Шейд отложил газету. Значит, Брайан хочет поиграть. Он решил, что вреда от этого не будет, к тому же день впереди еще долгий.

– Волшебство киноэкрана, закрученный сюжет и отличная операторская работа, благодаря которым Богарт кажется настоящим героем, а Бакалл – единственной достойной его женщиной.

Довольная этим ответом, Брайан кивнула. Шейд не гнушался восхищаться героями, фантазиями и запутанными отношениями. Это, пожалуй, капля в море, но Брайан готова была ради нее примириться с Шейдом.

– Я восхищаюсь фильмами и людьми, которые их создают. Наверное, это одна из причин, по которым я ухватилась за возможность работать в «Селебрити». Потом я потеряла счет актерам, которые прошли через мою студию, но, когда вижу их на экране, по-прежнему прихожу в восторг.

Шейд знал: вопросы задавать опасно, проблема не в ответах, а в том, что, спрашивая, он рисковал разбудить любопытство Брайан. Но это его не остановило.

– Ты поэтому фотографируешь красивых людей? Хочешь подобраться ближе к гламурному обществу?

Решив, что этот вопрос вполне закономерен, Брайан не стала обижаться. К тому же он заставил ее задуматься о том, что набирало силу против ее воли.

– Очевидно, в самом начале я думала о чем-то подобном. Но вскоре стала воспринимать их как обычных людей с необычной профессией. Мне нравится находить в них ту искорку, из-за которой их считают особенными.

– А следующие три месяца ты собираешься фотографировать повседневность. Почему такая резкая перемена?

– Видишь ли, в каждом из нас таится такая искорка. Я хочу найти ее и в фермере из Айовы.

Итак, Шейд получил ответ.

– Ты идеалистка, Брайан.

– Да. – Она посмотрела на него с большим интересом. – Мне нужно этого стыдиться?

Шейду не понравилось, как этот спокойный и разумный вопрос повлиял на него. У Колби тоже когда-то были свои идеалы, и он знал, как больно разочаровываться в них.

– Не нужно, – добавил Шейд через мгновение. – Просто будь осторожнее.

Они ехали уже долго. Днем Брайан принялась за брошенную Шейдом газету, а он сел за руль. Единогласно было принято решение съехать с шоссе и продолжать путь по второстепенным дорогам. Тишину в машине изредка нарушал разговор. Ближе к вечеру путешественники пересекли границу с Айдахо.

– Лыжи и картошка, – сказала Брайан. – Вот что приходит мне в голову, когда я думаю об Айдахо. – Поежившись, она закрыла окно. На севере лето наступало позже, и на закате его тепла не чувствовалось. Брайан смотрела сквозь стекло на сгущавшиеся сумерки.

Овцы – сотни овец – лениво паслись на жесткой траве вдоль дороги. Мозаика из белых и серых шкур, казалось, растянулась на несколько километров. Брайан, городская женщина, привыкла к скоростным автострадам и офисным зданиям. Шейд удивился, если бы узнал, что ей еще ни разу не доводилось забираться на машине так далеко на северо-восток.

Акры спокойных овец ее поразили. Она уже потянулась за камерой, когда Шейд выругался и резко ударил по тормозам. Брайан упала на пол.

– Зачем ты это сделал?

С первого взгляда было ясно: Брайан не ударилась и совсем не сердится. В ней говорило только любопытство, Шейд не стал извиняться.

– На дороге эти чертовы овцы!

Брайан вскочила и бросилась к лобовому стеклу. Поперек дороги преспокойно стояли, вытянувшись цепочкой, голова к хвосту, три овцы. Одна из них повернулась, посмотрела на фургон и отвела взгляд.

– Будто автобус ждут! – Брайан схватила Шейда за запястье, прежде чем он успел поигнорить. – Нет, подожди минутку. Я их еще никогда не гладила.

Прежде чем он успел что-то сказать, она выскочила из фургона и пошла к овцам. Одна из них немного отодвинулась назад, увидев человека, но в целом животным было все равно. Раздражение Шейда пошло на спад, когда он увидел, как Брайан наклонилась и прикоснулась к овце. Другие женщины с таким упоением гладили только соболей в магазине шуб. Брайан же казалась довольной, внимательной и почему-то сексуальной. Да и свет падал удачно. Взяв камеру, Шейд выбрал фильтр.

– Ну и как они?

– Мягкие, но жестче, чем я думала. И живые. Пальто из овечьей шерсти на ощупь совсем другое.

Не убирая руки с овечьей спины, Брайан взглянула вверх и с удивлением обнаружила, что на нее направлен объектив камеры.

– Это еще зачем?

– Фото на тему «Открытие». – Шейд уже сделал два кадра и хотел еще. – Открытия напрямую связаны с летом. Как овцы пахнут?

Заинтересовавшись, Брайан наклонилась ниже к спине животного. Шейд поймал в кадр ее лицо, почти скрывшееся в шерсти.

– Как овцы. – Брайан засмеялась и выпрямилась. – Давай теперь ты поиграешь с ними, а я тебя снимаю.

– Как-нибудь в другой раз.

На фоне длинной пустынной дороги, окруженная простиравшимися до горизонта полями, она смотрелась очень органично. Это поразило Шейда. Он почему-то думал, что ей больше подходит Лос-Анджелес с его блеском и иллюзиями.

– Что-то не так? – Брайан знала, что Шейд думает о ней, только о ней, когда смотрит вот так. Она вроде бы и хотела узнать, что творилось в тот момент в его голове, но с облегчением поняла, что это невозможно.

– Ты быстро адаптируешься.

Она неуверенно улыбнулась.

– Так проще. Я же говорила тебе, что не люблю трудности.

Шейд отвернулся и посмотрел в глубину кузова, решив, что думает о Брайан слишком много.

– Давай попробуем прогнать овец с дороги.

– Шейд, мы не можем бросить их на обочине! – Она побежала к фургону. – Они снова выйдут на дорогу, и тогда их кто-нибудь собьет.

– И что я должен сделать? Построить загон?

– Завести их за изгородь – это меньшее из того, что мы можем сделать.

И, будто бы Шейд уже на все охотно согласился, Брайан повернулась и побежала обратно к овцам. Он увидел, как она, добежав, схватила одну и подняла. Две другие, заблеяв, побежали в разные стороны.

– А она тяжелее, чем кажется, – выдавила Брайан и потащила овцу в сторону забора, видневшегося у дороги. Та блеяла, брыкалась и всячески сопротивлялась. Это было непросто, но после нескольких попыток воля и сила победили, и Брайан перекинула животное через забор. Вытерев пот со лба рукой, она повернулась к Шейду и прокричала:

– Ты будешь мне помогать или нет?

Представление ему понравилось, но он прислонился к фургону без улыбки.

– Минут через десять они, скорее всего, найдут дыру в заборе и снова выйдут на дорогу.

– Может, и найдут, – прошипела Брайан сквозь зубы, – но я все равно сделаю то, что должна.

– Идеалистка, – бросил Шейд.

Уперевшись руками в бока, Брайан повернулась.

– Циник!

– Как тебе будет угодно. Лишь бы между нами царил взаимопонимание. – Шейд выпрямился. – Ладно, я помогу.

Оставшиеся овцы оказались умнее. Несколько изматывающих минут Шейд ловил второе животное, пока Брайан бегала рядом. Дважды ее резкий хриплый смех отвлекал Колби, и тот упустил добычу.

– Две есть, еще одна, – сообщил он, опуская овцу за забор.

– Но она, кажется, самая упрямая. – «Спасатели» и «жертва» изучали друг друга, стоя по разные стороны дороги. – Глазки так и бегают, – пробормотала Брайан. – Наверное, он лидер.

– Она.

– Да какая разница? Ты, главное, води себя спокойно и заходи с той стороны. Я зайду с этой. Когда овца будет посередине, делай цап!

Шейд с опаской посмотрел на нее.

– Цап?

– Просто делай как я. – Она засунула большие пальцы рук в задние карманы джинсов и, насвистывая, перешла на другую сторону дороги.

– Ты пытаешься перехитрить овцу!

Она снисходительно посмотрела на него через плечо.

– Вдвоем у нас есть шанс это сделать.

Вряд ли она шутила. Шейду захотелось вернуться в машину и сидеть там до тех пор, пока Брайан не надоест выставлять себя душой. Но они уже столько времени потратили на этих овец! И он пошел влево, в то время как Брайан оглядала животное справа. Овца смотрела то на нее, то на него, мотая головой из стороны в сторону.

– Вперед! – закричала Брайан и бросилась вперед.

Не давая себе времени задуматься над абсурдностью происходящего, Шейд набросился на овцу с другой стороны. Та, пританцовывая, отбежала в сторону. Шейд и Брайан – остановиться уже было нельзя – столкнулись и, сцепившись, скатились на мягкую землю обочины.

Брайан упала на спину, дыхание перехватило, на бок давил Шейд. Его тело было тяжелым и очень мускулистым. Дышать Брайан, возможно, и не могла, но способности мыслить не утратила, понимала, если они сейчас не поднимутся, возникнут трудности. Набрав полную грудь воздуха, она уставилась на нависавшее над ее головой лицо Колби.

Его взгляд был спокойным, понимающим и вместе с тем не очень дружелюбным. Инстинкт подсказывал, что вряд ли ее спутник нежен в постели. На эту мысль наталкивали глаза, темные и глубокие. В этого мужчину явно не стоило влюбляться. Чувства к нему переполняют быстро, и пути назад не будет. Сердце Брайан забилося чаще, и ей пришлось напомнить себе о том, что она предпочитает легкие отношения.

– Промахнулись, – выдавила она, не пытаясь пошевелиться.

– Ага.

У нее было восхитительное лицо, точеные черты и мягкая кожа. Шейд почти убедил себя в том, что испытывает к этой женщине чисто профессиональный интерес. Ее можно снимать при любом освещении и в любом ракурсе, можно сделать королевой и крестьянкой, и все равно она останется женщиной, которую хочет каждый мужчина. Та ленивая сексуальность, которую он уловил в ней, прослеживалась бы и в фотографии.

Просто глядя в ее лицо, Шейд уже представил себе с полдюжины кадров, которые хотел бы с ней сделать. И почти дюжину мест, в которых хотел бы заняться с ней любовью. В списке мест первой значилась лужайка у обочины тихой дороги, залитой светом заходящего солнца.

Брайан уловила желание в его взгляде почти сразу, у нее хватило бы времени что-то предпринять. Но она не стала ничего делать. Можно было бы просто откатиться в сторону, выразить протест словом или жестом, но она осталась лежать. Мозг пытался как-то на нее повлиять, но проиграл в борьбе с возбуждением, которое носило чисто физический характер. Брайан не знала, что потом будет спрашивать себя о том, почему не прислушалась к голосу разума. В опускающейся вечерней прохладе под темнеющим небом она жаждала новых ощущений. И не могла не признать, что хочет Шейда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.